Текст · 25 марта 2021, 12:27
Анна Козкина,

Врачи без границ. Как медики помогают скрывать следы пыток в полиции

Медицинские документы о травмах — одно из главных доказательств в делах о пытках в полиции. Но врачи, которые первыми осматривают пострадавших, часто не оказывают им необходимой помощи, не фиксируют повреждения и потом меняют свои показания в пользу силовиков. Как это происходит, «Медиазона» рассказывает на примере нескольких дел «Комитета против пыток».

«У него сотряс точно», — сказала[1] фельдшер скорой помощи Валентина Попова, осмотрев грузчика Евгения Скиданова в здании Выселковского районного суда Кубани. Суд должен был рассматривать протокол о неповиновении полиции-[2], но из-за плохого самочувствия задержанного адвокаты настояли на вызове врачей. Фельдшер сказала адвокатам, что у Скиданова помимо гематом есть признаки сотрясения мозга и черепно-мозговой травмы.

Задержали Скиданова накануне, 14 ноября 2019 года. Полицейские требовали от него признаться в убийстве своей знакомой и, по словам задержанного, сначала подвешивали его на лом в отделе полиции Выселок, а потом стали бить током — «Медиазона» уже писала о пытках Скиданова.

Когда сотрудница суда спросила фельдшера о состоянии задержанного, та ответила, что готова госпитализировать мужчину, поскольку при травме головы ему нужен покой. Но через пару минут фельдшеру Поповой позвонила диспетчер, которая, по ее словам, запретила это делать: «Не надо никуда его забирать».

Попова сказала адвокатам, что ей надо возвращаться, а в суд вместо нее направили другого медика: «Они уже, видимо, там из полиции или че. Говорит, он вам там навешает лапшу на уши. Кто-то откуда-то, видимо, позвонил и типа чтобы я не слушала, типа он мне лапшу на уши навешает, давайте уезжайте и сейчас приедет доктор. Вот так вот».

После этого приехала врач Эльмира Керимова, которая решила, что госпитализация не нужна, а у задержанного лишь повышенное давление, острая реакция на стресс и кровоподтек под правым глазом. Заседание провели, Скиданова арестовали и отправили в ИВС — позже он рассказывал, что там у него признательные показания выбивали уже сокамерники.

Перед отправкой в ИВС Скиданова привезли к травматологу Дмитрию Тхагапасову — он не зафиксировал вообще никаких повреждений, даже кровоподтека под глазом. Юрист «Комитета против пыток» Сергей Романов замечает, что полицейские часто доставляют задержанных на осмотр именно к этому травматологу.

Следственный комитет не стал возбуждать дело о пытках Скиданова — следователь опросил не

только врача скорой помощи и травматолога, но фельдшера Попову, которая изначально хотела госпитализировать грузчика. На допросе она сказала, что не помнит подробностей вызова.

Резко меняют свое мнение в пользу силовиков

Собирая доказательства пыток в полиции, правозащитники нередко сталкиваются с бездействием или даже противодействием врачей, чьи заключения могли бы помочь в эффективном расследовании, если бы они добросовестно фиксировали травмы пострадавших, объясняет бывшая юристка «Комитета против пыток» Анастасия Гарина.

«Достаточно часто мы встречаемся с тем, что сотрудники скорой приезжают и начинаются какие-то интересные явления, — рассказывает Гарина. — Когда вместо того, чтобы просто спокойно зафиксировать, что они видят, сотрудники скорой помощи вовлекаются во все это взаимодействие и именно получаются на стороне сотрудников [полиции]».

Иногда медики меняют свою позицию под давлением силовиков. Как считает Сергей Романов из «Комитета против пыток», подобное случилось и в деле грузчика Артема Пономарчука из Анапы — пострадавший рассказывал, что полицейские избивали его, душили противогазом, пытали током и изнасиловали («Медиазона» не раз писала об этом деле).

Через неделю, когда Пономарчук был в ИВС за неповиновение полиции[3], ему из-за сильных болей в животе вызвали скорую помощь. На вызов приехала фельдшер Людмила Савицкая, она госпитализировала арестованного с острым аппендицитом.

В ИВС фельдшер заметила у Пономарчука ссадины, он выглядел «побитым», но не стал отвечать на вопросы о травмах. «Я предполагаю, что он боялся сотрудников полиции, — вспоминала[4] Савицкая.

— После осмотра Пономарчука я спросила у присутствующего сотрудника ИВС, "за что вы его так", на что он ответил, что Пономарчук не предъявил документы. Я вступила в полемику, спросив, а если у меня тоже не будет документов, меня то же самое ожидает, на что он ответил, чтобы я занималась своим делом».

Но через два года, когда все-таки возбудили уголовное дело о пытках, фельдшер поменяла свои показания и стала говорить, что ничего не помнит. Дело вскоре закрыли, обосновывая это решение, СК ссылался в том числе на эти новые показания Савицкой.

«Мы предполагаем, что было оказано давление, — говорит Сергей Романов. — До этого [фельдшер] звонила матери [пострадавшего], спрашивала, как Артем, говорила: добивайтесь справедливости. Это было в декабре-январе 2016 года. А в итоге она дает совершенно другие показания. Мы это связываем с тем, что на человека, возможно, было оказано давление или человек опасается преследования».

Иллюстрация: Таня Сафонова / Медиазона

Не фиксируют очевидные травмы

Москвич Руслан Минасов прошлым летом поссорился с бывшей девушкой — сотрудницей МВД Юлией Зараевой. По словам Минасова, девушка — подполковник внутренней службы — не возвращала ему вещи. Вечером 10 июля 2020 года они встретились недалеко от проходной здания МВД на Житной улице и там, по словам мужчины, на него сначала напали двое полицейских, а вскоре к избиению присоединились двое мужчин в гражданской одежде (полицейские называли их задержанными).

Минасов вспоминает, что его повалили на землю, били ногами, в том числе по голове, а один из полицейских ударил его коленом по пояснице, после чего раздался хруст — он обессилел и потерял сознание. Врачи позже обнаружили[5] у него перелом позвоночника.

Но Минасова повезли не в больницу, а в ОВД «Якиманка», где к полицейским присоединился замначальника отдела полиции Виталий Закутайло. В ответ на просьбу вызвать скорую, говорит пострадавший, сотрудники рассмеялись, назвали его «чуркой» и пригрозили подбросить наркотики.

Через час в отдел все же приехала скорая. Около часа медики и полицейские препирались — при этом

просьбы Минасова о помощи бригада игнорировала. «Ни в отделе полиции, ни в машине врачи не оказали мне никакой медицинской помощи. Хотя их много раз просил помочь и сообщал о своем состоянии. В машине скорой помощи меня несколько раз рвало», — рассказывал[6] позже Минасов.

В больницу имени Пирогова вместе с пострадавшим приехали и полицейские, которые, по его словам, стали убеждать врачей «дать документ, что с ним все в порядке». Медики сделали только рентген груди и перелома на нем не обнаружили. При этом он по-прежнему не мог двигаться. «Врачи во всем слушались полицейских и хотели передать меня им», — уверен Минасов. Только когда в больницу приехали друзья задержанного, врачи согласились сделать МРТ, показавшую перелом позвоночника. Минасова все же госпитализировали и начали оказывать ему помощь без оглядки на полицейских.

Позднее пресс-служба Департамента здравоохранения отрицала, что медики в течение часа не оказывали помощь Минасову; об этом сам пострадавший рассказывал правозащитникам.

«После поступление вызова бригада скорой медицинской помощи прибыла на место в течение 7 минут, осмотрела пациента и в соответствии с его состоянием провела комплекс необходимых лечебных мероприятий, что зафиксировано в карте вызова. После чего было принято решение о госпитализации пациента в стационар. Вся необходимая помощь была оказана в полном объеме», — утверждают в ведомстве. Также в департаменте отрицают неоказание должной помощи в стационаре.

Пострадавший до сих пор восстанавливается, помимо проблем с позвоночником у него сильно упало зрение (врачи зафиксировали контузию глаз). Тем не менее Следственный комитет отказывается возбуждать дело о его избиении.

«Мне абсолютно непонятно, чего боятся врачи, почему они должны играть на стороне силовиков, почему не сделать то, что у них прописано по инструкциям», — удивляется юрист Анастасия Гарина.

При этом по делам о пытках очень важно, чтобы врачи сразу фиксировали все травмы, отмечает Гарина — но часто этого не происходит.

В Нижегородской области, к примеру, врач ИВС не зафиксировал у избитого в полиции жителя поселка Первое Мая Алексея Шляпугина перелом ребра — летом 2017-го его задержали в гараже, полицейские безуспешно искали наркотики. «Пока меня валили на землю, один из мужчин ударил меня несколько раз в голову. Когда я упал на пол, мужчины стали наносить мне удары руками и ногами

по туловищу и ногам. Ударов было не менее двадцати, по ощущениям, избиение продолжалось около двух минут», — вспоминал Шляпугин.

В ИВС он попал после того, как полицейские составили на него протокол об отказе от медосвидетельствования[7], а суд арестовал на 5 суток. При помещении в изолятор арестованных обязательно осматривает врач — никаких повреждений он не нашел, хотя Шляпугин жаловался на боль в области ребер. Через пять дней в травмпункте у него зафиксировали ушибы, ссадины и перелом ребра. Добиться возбуждения уголовного дела об избиении полицейскими до сих пор не удалось.

Иллюстрация: Таня Сафонова / Медиазона

Мешают правозащитникам собирать доказательства пыток

38-летний Михаил Харитонов из-под Оренбурга рассказывал, как в Медногорске полицейские избили его прямо в служебном УАЗе: били, душили ногой и пытались изнасиловать дубинкой. Причиной задержания стало подозрение в мелком хулиганстве: что он ругался матом в общежитии. Харитонова отвезли на медосвидетельствование, а через день суд арестовал его на трое суток. В ИВС Харитонову несколько раз становилось плохо, трижды ему

вызывали скорую. Только после освобождения в больнице у него диагностировали сотрясение головного мозга, ушибы, кровоподтеки головы и ушибы рук и ног.

Добиваясь привлечения полицейских к ответственности, юрист «Комитета против пыток» Сергей Бабинец обратился на станцию скорой помощи, чтобы получить данные о вызовах врачей в ИВС Кувандыка — именно там Харитонов провел трое суток ареста.

Там его встретил начальник станции Александр Мельман. Узнав, что обращение связано с действиями полицейских, он отказался предоставить правозащитнику документы, хотя закон разрешает пациентам и их представителям получать такую информацию.

«Я вам ничего не дам. Это уголовное дело. Я законы знаю. Потому что здесь идет игра между силовыми структурами. Какой бы ты ни был хороший парень — вот иди к прокурору, вот он запросит у меня, тогда дам. Потому как я знаю, вы сейчас начнете бегать, играть этими», — сказал[8] Мельман.

На просьбу дать письменный отказ, медик грубо отрезал: «Ничего я тебе не дам! Выйди из моего кабинета. Я сообщу в прокуратуру, что ты приходил, грозил, оскорблял меня[9]».

Через месяц Минздрав региона встал на сторону правозащитника, подтвердив, что он имеет право получить медицинские документы. При этом в ведомстве не сочли нарушением врачебной этики

угрозы со стороны Мельмана. Добиться возбуждения уголовного дела против полицейских пока не удалось — вместо этого Следственный комитет привычно завел дело на самого пострадавшего, обвинив Михаила Харитонова в нападении на одного из задерживавших его силовиков.

Обновлено 26 марта 2021 года в 14:20. Добавлен комментарий пресс-службы Депздрава Москвы.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Запись разговоров фельдшера с защитниками есть в распоряжении «Медиазоны».

2. Статья 19.3 КоАП.

3. Статья 19.3 КоАП.

4. В апреле 2016 года на опросе у следователя.

5. Согласно выписному эпикризу из больницы имени Пирогова, у Минасова зафиксировали закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение мозга, закрытую позвоночно-спинномозговую травму, перелом остистого отроска одного из позвонков грудного отдела позвоночника, контузию и частичное кровоизлияние глазных яблок, а также ушибы и ссадины.

6. Адвокатский опрос Минасова есть в распоряжении редакции.

7. Часть 1 статьи 23.26 КоАП.

8. Запись разговора есть в распоряжении «Медиазоны».

9. На записи оскорблений или угроз со стороны юриста Бабинца не слышно.